

«Вот он герой — идет по улице»

Иван Вырыпаев — режиссер, актер и драматург из Иркутска. В 2001 году вместе с актерами своей студии переезжает в Москву и участвует в создании «Театра.doc», в репертуар которого входит перевезенный из Иркутска спектакль «Сны». Пьесу «Сны», кстати, на сцене лондонского театра Royal Court во время показов новой русской пьесы ставил известный театральный режиссер Деклан Донеллан. Последняя работа Вырыпаева — спектакль «Кислород», который некоторые критики называли «манифестом нового поколения», — получила первый приз на недавно завершившемся фестивале «Новая драма». Вырыпаев для молодого театра фигура безусловно знаковая — дело не только в том, что его произведения обладают убеждающей и даже гипнотизирующей энергией, но и в том, что он сам занимает очень внятную и охотно артикулируемую позицию. Его спектакли едва ли не первыми вышли за пределы театральной сцены — их активно играют по клубам. Его пьесы охотно ставят за рубежом, видя в них актуальные темы и современную форму. И у него есть ясная жизненная позиция, скорее эмоциональная, чем продуманная, но он же как-никак художник, а не социолог. Газета «Время новостей» публикует интервью с Иваном ВЫРЫПАЕВЫМ, которое взяла молодой журналист Влада ГОНЧАРОВА. Соглашаясь на разговор, Иван попросил не задавать ему вопросов о прошлом, о будущем, ему про это уже не интересно. Тогда девушка составила список из нескольких «вечных» вопросов, которые Вырыпаеву пришлось по вкусу.

ИТАР-ТАСС

— Кто такой Иван Вырыпаев?

— Кто я? Человек. По профессии я режиссер, актер, драматург, сценарист, писатель. То есть занимаюсь тем, что пишу, играю, иногда ставлю. Сейчас, наверное, буду делать новый спектакль, и так же, как «Кислород», вместе с Витей Рыжаковым. Это удобно, когда вдвоем. Он настоящий режиссер, а я все-таки не настоящий. Во всяком случае театр меня не очень интересует.

— Это смелое заявление драматурга, актера...

— Но все это не совсем театр. У меня всего одна пьеса как пьеса — «Валентинов день». Остальные — просто тексты для какого-то исполнения, театрального, но все-таки несколько иного. У меня есть одна знакомая актриса театра Фоменко, Полина Агуреева, с которой я все время спорю. Она мне доказывает, что театр — это так прекрасно, а я... Она играет в спектакле «Одна счастливая деревня», а я никогда его не видел. Она спрашивает: «Почему ты не приходишь?», а я говорю: «Ну что к вам приходите, у вас все время одно и то же». Я их очень люблю, очень, поэтому так и говорю. В общем, я мало люблю смотреть театр. Без кокетства.

— Что такое настоящее?

— Ну, настоящее — это вот то, чем сейчас живешь. Поскольку интервью бывают сейчас часто, всегда говоришь о каких-то вещах, которые уже случились, тем более что я занимаюсь такой эфемерной профессией, как театральное представление, например, и трудно же об этом рассказывать, лучше всего посмотреть, а на самом деле мне всегда интересна жизнь сюжетная. Поскольку у меня несколько профессий, то я решил называть ту, которой я занят в этот день. Вот конкретно сейчас, в данную секунду перед вами сидит главный редактор киностудии «Два план два». Эта студия занимается только творческими процессами, поэтому она не богатая. Наш девиз: делать кино любыми доступными способами. Сейчас я делаю сценарий, который ориентировочно называется «Другая любовь». Там история про браки и про любовь, про то, что браки все бессмысленны. Я взял диалоги, которые сам слышал. Там, например, один из персонажей все время говорит про жену: «Ну а что мне с ней делать? Не выгонять же ее». Все хотели любви, а прошло много лет, любовь уходит, и все начинают думать: «Что же я?.. Ради чего?» Все распадается. И вначале я, например, грустил, потому что я тоже женат, а сейчас понял: оно так и должно быть, нечего грустить, лучше снять про эту картину. Вот. Это то, что такое для меня настоящее. У меня в пьесе «Сны» есть даже такой текст: «Остановите время, и вы увидите настоящее. Настоящее — это кайф».

— Что делает Иван Вырыпаев со своей жизнью?

— Туло прое...вает. Не знаю, мне кажется, я не очень хорошо со своей жизнью обхожусь. Как-то нелепо она проходит... Ну, так-то я не буду все рассказывать, что я делаю со своей жизнью. Могу сказать, что как-то последнее время нет никакой жизни, одна работа в основном. Вчера вот звонит девушка, которая очень мне нравится, говорит: «Приезжай ко мне в гости», а я говорю: «Не могу, мне надо работать. Правда, не могу». Она говорит: «Ну, я больше тебя не позову. Если человек хочет, он всегда придет». А я хочу, но приехать не могу. Вот. Я расстроился.

— Зачем Иван Вырыпаев что-то делает в жизни?

— Ну, как зачем. Во-первых, надо зарабатывать денег. Я вообще понял, что деньги — это одна из самых главных вещей на земле. Есть у тебя дар писать — будешь писать, нету — не будешь, значит, а жить-то надо на что-то. Мы либо очень любим деньги, либо от них отказываемся, а на самом деле, мне кажется, это задача — такой очень важный этап в жизни человека. К ним надо относиться просто, но они нужны, чтобы я мог чувствовать себя свободным, мог передвигаться по городу, посидеть в кафе, выпить что-нибудь. Вот это я делаю в своей жизни — пытаюсь зарабатывать деньги. Ну как... Мне сейчас грех жаловаться. Еще два года назад при-

ходило делать вещи, которые мне не нравились. Сейчас я все-таки делаю то, что нравится.

— Что делать? Кто виноват?

— Ну, кто виноват, все виноваты.

— А что делать?

— Ну, сдаваться надо. Я думаю, вот что надо делать.

— Кому?

— Ну, надо кому-то сдаваться. Я не знаю, какому-то мировому сообществу.

— И сообщество что-то будет делать?

— Ну, пусть они хотя бы делают. Они хоть умеют что-то делать. Ну, ужасно в стране... Вот мы сидим с вами в районе Садового кольца, а это, как вы понимаете, отдельное государство, и ничего общего с Россией оно не имеет. Я бы так и назвал эту страну — Садовое кольцо. Я сам из Иркутска и сейчас летал туда на неделю. Я не был два года, и там не только ничего не изменилось, все стало еще хуже. И я думаю, что наш президент должен стоять не в Кремле и в галстук, а там у меня в районе Глазково в грязных штанах, стоять и говорить: «Вот я президент России», потому что это и есть Россия. А Садовое кольцо — это что-то совсем другое. Здесь просто стечение всего — денег, удач, карьер... И я тоже в этом Садовом кольце, потому что не хочу жить ТАК.

— Есть ли в жизни счастье?

— Вот тоже интересный момент. Я делаю сейчас один сценарий, где есть такая история... В общем, проблема в том, что человек сам до конца не знает, счастлив он или нет. Например. По парку идет молодой человек. Он только что получил денежную премию, он позвонил своей девушке и на вопрос, хочет ли она выйти за него замуж, она сказала «да». Он назначил ей встречу в парке и идет к ней. Он чувствует себя абсолютно счастливым. А в этот момент из-за угла на огромной скорости летит автомобиль. Этот человек абсолютно счастлив, но мы знаем, что через минуту этот автомобиль его сойдет. Человек падает, предположим, в ад — ну, если ад существует, — и мы не знаем, счастлив ли он. То есть он чувствует себя счастливым, но счастлив ли он на самом деле, неизвестно. И это настолько эфемерное понятие, что никогда ты не знаешь, счастлив ты или нет. Или. У меня в сценарии сейчас есть такой эпизод, абсолютная правда. Молодой человек, у него жена, ребенок, он с одной женщиной, с другой, с третьей, всех любит или не любит, как-то так мается — такой собирательный образ со всех друзей... Ну, все так живут. И вдруг как-то в Питере он встречает девушку. У нее есть время, скажем, день, и у него есть время — день. И они понимают, что ни он ее дальше не увидит, ни она его. У них нет никаких претензий друг к другу, они просто занимаются сексом, гуляют... Они безумно счастливы и сами этого не понимают. Потом дальше его жизнь продолжается, он там погибает (так построен фильм), и оказывается, что это и была самая счастливая минута в его жизни. Этот день, который он как-то даже не особо заметил. Но ему было архихорошо, потому что у него не было прав и претензий к другому человеку. У нас все время есть права, и от этого все мы страдаем.

— С чего начинается театр?

— Я не знаю. Но мне кажется, я понимаю, что такое театр. И я не оригинален. Все, все в мире — это донесение информации. Например, если это делать театром, то достаточно, чтобы были две вещи — смысл того, что ты хочешь сказать, и эмоция. Одно без другого не может быть. Вот и все.

— Тогда почему вы говорите, что занимаетесь не театром?

— Нет, я имею в виду не общепринятый какой-то театр... Мне все равно, как это называется. Я вот не люблю актеров и не хочу быть актером и не понимаю, как люди вообще хотят быть актерами. Я дружу с актерами, но это по ущербности своей, поскольку у меня просто другого мира нет. И всегда я их уговариваю бросить эту профессию. Я сам артист в каком-то смысле, потому что я же играю спектакли. В этом году я ездил с «Кислородом» очень много. Иногда играл по два раза в день. И чувствовал, что я настоящий такой кондовый драматический артист. Мне даже стало страшно. То есть, ты приезжаешь, гостиница, чемодан, открываешь, выходишь, два спектакля, гостиница, самолет, приезжаешь и т.д. Каждый день. Ужасно. Смысл теряется. У меня есть приятель Женя Гришковец. Мы недавно встретились. И он такой худой, уставший, и говорит: «Я играю 20 спектаклей в месяц». Я чуть не умер. Я не могу понять, как это. У меня иногда бывает 12 в месяц, и я после этого чувствую свою жизнь бессмысленной.

— Кто герой нашего времени?

— Мы герои нашего времени. Есть герой нашего времени Василий Сигарев, например. Есть герой нашего времени в пьесах Ольги Мухоминой. Они все разные. От Гришковца — такой романтика в очках, который пытается понять суть вещей и которого удивляет мир, — до человека, который поставлен в жесткие рамки, как в «Пластине» Сигарева, и которого насилюют, и который не может ужиться с миром. Сегодня герой, он вот — идет по улице.

— Самый главный вопрос: «Как жизнь?»

— Ну так, ничего.